

УДК 94(47).046

DOI 10.18413/2075-4458-2018-45-3-498-506

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ
ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО РУССКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В. ***

**MAIN TRENDS OF THE REDISTRIBUTION OF LAND OWNERSHIP
IN THE TERRITORY OF THE SOUTHERN RUSSIAN BORDER GUARD
IN THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY**

Е.В. Камараули
E.V. Kamarauli

Воронежский государственный университет
394018, Россия, г. Воронеж, Университетская пл., 1

Voronezh State University
1, Universitetskaya Sq., Voronezh, Russia, 394018

e-mail: kamarauli@bk.ru

Аннотация

В статье анализируется модель служилого землевладения, сложившаяся в южных пограничных уездах России в XVII веке. Основное внимание уделено процессам перемещения земельной собственности внутри воронежского служилого «города» в условиях преобладания поместного типа землевладения. Рассматривается движение земли в рамках кровнородственных и некровнородственных семейных связей воронежских дворян и детей боярских. Выявлено постепенное накопление освоенных земель в руках социальной верхушки служилого «города». Установлено, что обеспечение земель малоземельных и безземельных служилых людей, поверстанных пониженными окладами, планировалось осуществить за счет введения в хозяйственный оборот неосвоенных земель «дикого поля». Исследование базируется на документах Поместного приказа – воронежских писцовых и отказных книгах, обработанных при помощи методов количественного анализа.

Abstract

The article analyzes the model of service land ownership, which was established in the southern border counties of Russia in the XVII century. The main attention is paid to the processes of redistribution of the serviceable landed property within the service «city» as a community uniting different armed groups of the population. We consider the movement of possessions within the framework of family ties, blood and blood. The peculiarities of the transition of the service lands to relatives of both sexes are revealed in conditions of prevalence of the local type of land ownership. It was established that the transfer of the local land was of a mixed nature, when part of the «dacha» remained with relatives, and the other part left the family. It was established that the conditions of life and service in the border county could not lead to a wide spread of unconditional land ownership within the clan, to the development of fiefdom on the southern borders of the state. The study is based on the documents of the Local Order – scribal and refusal books, processed with the help of quantitative methods.

Ключевые слова: служилое землевладение, поместье, писцовые книги, отказные книги, юг России, XVII в.

Keywords: landed property, estate, scribe books, refusal books, the south of Russia, the XVII century.

Изучение природы служилого землевладения важно для понимания сущности

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Отделения гуманитарных наук Российского фонда фундаментальных исследований в Воронежском государственном университете, проект № 16-01-00058–ОГН.

средневекового общества и реконструкции существовавших внутри него социально-экономических связей. На современном этапе исследователи склонны рассматривать развитие землевладения в русле общих колониационных процессов на территории Российского государства, выделяя и подчеркивая региональную специфику. В центре их внимания остаются уезды Поволжья [Кабытов и др., 2014; Чеченков, 2015], Русского Севера [Швейковская, 2012; Черкасова, 2015], Сибири [Кивельсон, 2012] и северо-запада [Степанова, 2016]. Продолжается изучение хозяйственного освоения черноземного юга России в период Средневековья и Раннего Нового времени [Глазьев, 2013; Папков, 2013]. Нередко к пограничным южным рубежам, как и к Сибири, применяется понятие «фронттира» [Скобелкин, 2013; Мизис и др., 2015], но целесообразность употребления этого термина применительно к югу России остается спорным вопросом.

Заметим, что социальное развитие южных окраин было весьма специфичным. Служилое землевладение в этом регионе практически не было крепостническим, и в силу этого в нем сформировались крестьянские и даже общинные черты, нуждающиеся в изучении. Несмотря на проделанную исследовательскую работу, остаются большие пробелы в изучении модели землевладения, сложившейся на южном пограничье. Своеобразие территории заключалось в наличии постоянной военной опасности, влиявшей на скорость заселения и аграрного освоения края [Новосельский, 1948; Глазьев, 2015]. Важной вехой в изучении социально-экономической истории региона следует признать работу В.М. Важинского о землевладении однодворцев юга России в XVII в., где автор привлек общие итоги писцовых книг 20-х гг. XVII в. для построения таблицы о размерах поместных и вотчинных земель в уездах будущих Белгородского и Севского разрядов [Важинский, 1974]. Ряд работ базируется на источниках, опубликованных дореволюционными археографами. В частности, данные дозорной книги Воронежского уезда 1615 г.¹ легли в основу историко-демографических и топонимических изысканий по ранней истории края [Глазьев, 2004]. Дозорные описания воронежских и других южных земель послесмутного времени были использованы М.Ю. Зенченко для восстановления картины формирования уездов [Зенченко, 2008]. Тем не менее остаются слабо изученными процессы размещения и перераспределения земельной собственности накануне того важного периода, когда административное и территориальное развитие южных уездов начало видоизменяться под влиянием оборонительных мероприятий государства, связанных со строительством Белгородской черты.

Большинство работ по истории служилого землевладения XVI–XVII вв. опирается на документы Поместного приказа. Наиболее известна и широко введена в научный оборот группа писцовых книг 20–40-х гг. XVII в. [Милов и др., 1986]. Расширение имеющихся научных представлений о развитии поместной системы в разных регионах России возможно при условии вовлечения в научный оборот новых групп источников. Перспективным представляется углубленное изучение документации Поместного приказа, в частности, отказных книг. В 1977 г. С.И. Котковым впервые были опубликованы выдержки из отказных книг юго-западных и южных русских уездов, возникших вокруг таких городов, как Белгород, Брянск, Воронеж, Елец, Карачев, Курск, Мценск, Новосиль, Орлов, Рыльск [Котков, 1977]. Побудительным мотивом их публикации послужило стремление к основательному изучению русского языка и истории взаимодействия восточнославянских наречий в XVII столетии. Издание было адресовано преимущественно филологам.

Материалы южнорусских отказных книг систематически не изучались до настоящего времени. Обращения исследователей к этому виду источников носили эпизодический характер. В.Б. Павлов-Сильванский, анализируя землевладение Вяземского уезда, использовал материалы вяземских отказных книг 30–40-х гг. XVII в. [Павлов-Сильванский, 1966]. Общая оценка массива отказных книг Московского уезда как источ-

¹ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. Воронеж: типолитография губернского правления, 1891.

ника о земельных владениях столичного боярства и дворянства содержится в исследовании Ю.А. Тихонова [Тихонов, 1970].

Воронежские отказные книги находятся на хранении в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА) и представляют собой массивы актов земельных «отказов», объединенные по хронологическому принципу. Подобные собрания текстов, наряду с писцовыми, переписными, межевыми и прочими книгами, формировались в Поместном приказе. Настоящее исследование опирается на обработанный при помощи количественных методов документальный комплекс земельных «отказов», осуществленных на территории Воронежского уезда в течение 1615–1641 гг. (далее – отказная книга 1615–1641 гг.)¹.

В отказных книгах фиксировались дата и место проведения процедуры, наименование и расположение поселений и пустошей, описывались урочища с «дикими полями», то есть целинными землями, предназначенными для поместной раздачи. Руководили работами отказчики или отдельщики земли, как правило, дворяне и дети боярские или казацкие начальники, атаманы и есаулы, если речь шла о наделении землей поместных казаков. В сопутствующих отказу бумагах с разной степенью подробности фиксировались сведения о прежних и новых владельцах земли, общем количестве четвертной пашни, сенокосах, водных и лесных ресурсах, о количестве владельческих, крестьянских и бобыльских дворов, в том числе пустых. Обилие разнообразной информации сделало отказные книги ценным источником не только для истории землевладения и аграрного освоения, но и для исторической географии, топонимики.

Так называемый «отказ» означал фактическое наделение служилого человека правом на владение земельным участком – поместной или вотчинной «дачей». Отказу могла предшествовать «мера» – измерение на местности пахотных, сенокосных и иных угодий, необходимых в хозяйствовании. Одновременно с отказом могло производиться размежевание границ земельных «дач». С одной стороны, акт отказа был общественным делом. Он происходил в присутствии свидетелей, подтверждавших свободный статус земли или, напротив, старину собственнических прав землевладельца на определенный участок пашни и угодий. В процедуру отказа вовлекался служилый человек, приобретающий земли, соседние землевладельцы, а также представители духовенства и крестьянского «мира». Обязательным было присутствие «старинных людей» или старожилков данной местности. Вместе с тем отказ был явлением государственным. В.М. Важинский подчеркивал, что совершался отказ по царской грамоте и под контролем воеводы, а за прикладывание печатей к составленным документам взимались печатные пошлины [Важинский, 1974, с. 84]. Во второй половине XVII в. государственные черты получили развитие, когда к практике отказов стали привлекаться представители местной воеводской администрации. Как следует из материалов воронежской писцовой книги 1685–1686 гг., в качестве отказчиков выступали подьячие местной приказной избы С. Пашков, К. Куренбин, Я. Орлов, С. Остриков, И. Савин².

Попытаемся проследить, как осуществлялось движение земельной собственности в процессе хозяйственного освоения и «обживания» земель южнорусского пограничья. В течение первой половины XVII в. происходило как перемещение уже внесенных в дзорные и писцовые книги земельных «дач», так и освоение новых урочищ, ранее не зафиксированных государственными земельными кадастрами. Важно, что правом получения земельной собственности на территории Воронежского уезда могли пользоваться только воронежские служилые люди, представители местного военизированного сообщества. Общеизвестно, что введенная на юге России в 1635 г. система «заказных» городов ограждала местные земли от посягательства московских чинов [Новосельский, 1938, с. 22–24; Важинский, 1974, с. 79]. Однако, как было установлено А.Л. Станиславским,

¹ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 1209. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12287. Л. 1–1006.

² Там же. Оп. 1. Д. 79. Л. 13–17, 37–39, 49–50, 53–56, 64 об.

имелись более ранние законодательные акты, препятствовавшие проникновению столичного боярства и дворянства в число землевладельцев южного края, в частности, запретительный указ 1619 г. [Станиславский, 1985]. Во исполнение указа в начале 20-х гг. XVII в. часть земельных владений на территории Воронежского уезда была изъята у столичных чинов и предназначена для испомещения служилых казаков, в результате чего возникли целые казачьи поселения [Камараули, 2017а, с. 106]. Как показал Д.А. Ляпин, в первой половине XVII в. крупные земельные владения московских собственников, хотя и существовали на юге России, но не являлись ключевой составляющей местной социально-экономической структуры [Ляпин, 2015, с. 5–7]. Добавим, что при верстании южнорусских служилых людей применялись невысокие ставки поместных окладов, что затрудняло для местных помещиков обзаведение крупными земельными владениями [Камараули, 2015, с. 77]. Окладные ставки были пониженными по сравнению с теми, что практиковались при верстании служилых корпорации центра России [Козляков, 2000, с. 92].

Обратимся к данным о земельных отказах в Воронежском уезде. Материалы исследуемой отказной книги дают сведения о приблизительно 142 земельных отказах за период 1615–1641 гг. Меньшая часть отказов (34 случая, 24 %) касалась узаконения распаханых первичных заимок или передавала служилым людям неосвоенные угодья, впервые заносимые в документацию Поместного приказа. Такие отказы мы оставляем за рамками данной работы, так как они должны стать предметом самостоятельного изучения. Источником настоящего исследования станут отказы «условно освоенных» земель, то есть пахотных и иных угодий, внесенных в существовавшие государственные земельные кадастры (108 случаев, 76 %) ¹. Эти владения существовали преимущественно в статусе поместной собственности, поскольку вотчинное землевладение в уезде было развито слабо. По данным воронежской писцовой книги 1627–1629 гг., вотчины составляли всего 2,4 % от общего количества служилых земель [Камараули, 2017б, с. 49]. Объемы и темпы хозяйственной деятельности на «условно освоенных» землях существенно различались. Сохранялись никогда не обрабатывавшиеся участки поместной земли, в отношении которых нельзя говорить о существовании экономического освоения в принципе. Тем важнее отметить, что в первой трети XVII в. в орбиту служилого землевладения было вовлечено только 6,3 % от реальной площади Воронежского уезда [Камараули, 2016, с. 84–85]. Колонизация огромного массива воронежских свободных земель, именуемых в источниках «диким полем», была делом будущего. Для первой половины XVII в. представляется интересным отследить движение именно «условно освоенных» земель, постоянно переходивших из рук в руки.

В общем виде переход «условно освоенных» земельных «дач» происходил двумя путями. Во-первых, бытовало перемещение земельной собственности в рамках родственных связей, кровных и некровных. Во-вторых, государством практиковалась передача поместий посторонним лицам, несущим службу и нуждающимся в земельном ее обеспечении. В последнем случае движение земли выходило за рамки семьи и охватывало все служилое сообщество уезда, включавшее дворян и детей боярских, поместных казаков, беломестных и слободских атаманов. Заметим, что второй вариант был весьма распространенным, и значительная часть отказов передавала «условно освоенные» земельные владения не родственникам. Наряду с этим, реальная жизнь была гораздо сложнее, а внутри указанных путей перемещения земли существовали разнообразные варианты.

Проследим, как происходили переходы поместных «дач» между родственниками (47 отказов из 108, 44 %). Такие земельные угодья относительно образом «наследовались» ². Для родственника мужского пола (сына, пасынка, брата, племянника, зятя, деверя и пр.) такое наследование было не безусловным, а сопряженным с обязательствами служ-

¹ К указанным земельным кадастрам следует в первую очередь отнести вышеупомянутую дозорную книгу 1615 г. и воронежскую писцовую книгу 1627–1629 гг. См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 76. Ч. 1–2. Л. 1–1104.

² Употребляя условно здесь и далее термин «наследование» поместья, мы имеем в виду не только те случаи, когда с землей родственникам-мужчинам переходило обязательство военной службы, но и получение вдовами и девицами-сиротами «прориточных» долей от поместья мужа или отца, о чем речь пойдет далее.

бы. В воронежской отказной книге находим около 16 случаев этого рода. Можно предположить, что в существовавшем служилом сообществе передача земли от старших мужских поколений к младшим происходила чаще, чем это демонстрирует источник. Как показывают воронежские десятины 20–30-х гг. XVII в.¹, естественное воспроизводство внутри воронежского служилого «города» было налажено, большинство дворян и детей боярских имело сыновей или внуков, способных к несению службы [Камараули, 2017а, с. 107]. С другой стороны, сыновья, поверстанные «в отвод», наделялись своими собственными землями, и могли не дожидаться поместий отцов². В Воронежском уезде, с его обилием свободного «дикого поля», верстание «в отвод» имело практический смысл, так как на местности обеспечивалось реальными участками пригодной для распашки земли.

Некоторого внимания заслуживает редкое явление, когда при наличии служилого сына часть поместья была отказана постороннему лицу. В 1632 г. у Ивана Гаврилова сына Зеленина, поверстанного окладом 200 четвертей, но унаследовавшего отцовское поместье общим размером 230 четвертей, по челобитью крупного воронежского помещика П.М. Шишкина было отобрано 30 четвертей «лишней», сверх оклада, земли и передано челобитчику. В 1637 г. указанные 30 четвертей были возвращены отставленному к тому времени от службы Гавриле Зеленину (отцу) в качестве «прожиточного» поместья³. «Прожиток» представлял собой долю поместья, полагающуюся исключительно для прокормления, и наделение такого рода владениями отставников практиковалось редко. Обычно «прожиточные» поместья предназначались вдовам и девочкам-сиротам служилых людей. Размеры женского и девичьего «прожитка» устанавливались государством в зависимости от поместного оклада кормильца, мужа, отца или иного родственника. Тонкости выделения «прожиточных» поместий были урегулированы XVI главой Соборного Уложения 1649 г.⁴ с опорой на сложившиеся ранее земельные практики. Книга 1615–1641 гг. зарегистрировала около 20 отказов «прожиточных» поместий женщинам.

Отмежевание «прожитка» от основного поместья сокращало размер доли, предназначенной для несения службы, что не могло не вызывать неудовольствия у взрослой мужской части «наследников». Отказы, фиксировавшие разделы поместий между мужскими и женскими родственниками, были не очень распространены. Книга 1615–1641 гг. знает около 11 таких случаев, отразивших многообразие жизненных ситуаций. Существовали варианты раздела земли между сыном, дочерью и вдовой; племянником, дочерью и вдовой; племянником и племянницами и другие. Размежевание поместья на прожиточные и служилые доли временно выводило часть земель из служебного обращения. Затем неизбежно срабатывал средневековый принцип, что земля не должна выходить из службы надолго. Как правило, женщины и девушки кормились с собственных поместий недолго. Вступая в брак, они осуществляли акт «поступки», то есть уступали свои прожиточные четверти земли жениху или мужу, переходя на его содержание. Бытовала также «сдача», то есть передача прожиточного поместья постороннему лицу или родственнику на условиях пожизненного содержания женщины.

Прожиточные поместья, безусловно, были важной частью женского приданого и служили материальным обеспечением их будущего. Приведем иллюстрацию из жизни. В 1635 г. был зафиксирован случай раздробления на две доли единого «прожиточного» поместья матери и дочери Тарарыковых. Раздел земли был связан с тем, что мать, вдова воронежского губного старосты Н.Г. Тарарыкова, Авдотья, планируя новое замужество, решила

¹ Сторожев В.Н. Воронежское дворянство по десятинам XVII века // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год. Воронеж, 1894. С. 77–110.

² Получение поместных прав происходило, по приказной терминологии, верстанием «в отвод» или «в припуск». Первый вариант применялся в отношении старших сыновей, чьи отцы были в состоянии продолжать службу, поэтому сыновья получали отдельные поместья. Второй тип верстания касался младших отпрысков, которых «припускали» на поместья престарелых отцов, с тем, чтобы в дальнейшем эти поместья были сыновьями «унаследованы».

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12287. Л. 188–189, 672–675.

⁴ Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. Л.: Наука, 1987. 448 с.

«поступиться» своей частью «прожитка» в пользу жениха, Т.И. Михнева¹. Ее дочери, Тарарыковой Анне, на тот момент было 2-3 года. Она была воспитана Т.И. Михневым и по достижении ею 18-летнего возраста в 1650 г. поступила своей долей «прожитка в пользу отчима с тем условием, что он обеспечит ей приданое и выдаст замуж². Во избежание злоупотреблений, поступка «прожиточных» поместий несовершеннолетними была ограничена законом, и сама процедура «поступки» требовала подтверждения добровольности сделки. Настойчивость таких требований наводит на мысль о практиковавшемся принуждении девушек и женщин к «сдаче» или «поступке» своих прожиточных поместий.

Безнаследная или выморочная земля уходила в новую поместную раздачу. Книга 1615–1641 г. зафиксировала значительное число отказов, перераспределявших безнаследные поместья среди членов воронежского служилого «города» (61 отказ из 108, 56 %). При этом существовали некоторые нюансы, связанные с принадлежностью служилого человека к определенной социальной группе. Атаманское и казачье землевладение в Воронежском уезде было ограничено рамками нескольких поселений [Камараули, 2017а, с. 107]. Беломестные и слободские атаманы, как правило, не могли претендовать на помещение за пределами атаманских сел и слобод. При наделении «дачами» поместных казаков предпочтение отдавалось тем землям, которые и ранее были казачьими. На первый взгляд может показаться, что подыскать освободившееся поместье казаку было сложнее, чем сыну боярскому. В действительности же существовало значительное количество заброшенных казачьих жеребьев, чьи владельцы сбегали от государственной службы, не выдержав ее тягот. На существование такого явления обратил внимание А.Л. Станиславский [Станиславский, 1990, с. 219]. Заброшенные казачьи поместья передавались как казакам, так и детям боярским. Безнаследные «прожиточные» поместья после смерти вдов и сирот также переходили к служилым людям. Очевидно, что размеры четвертной пашни, полагавшиеся женщинам на пропитание, были невелики, и «прожитки» не смогли бы в полной мере обеспечить снаряжение воина на службу. Зато эти маленькие женские и девичьи поместья удачно дополняли владения местных служилых людей, если им удавалось присоединить «прожиток» к своей «даче».

Подведем итоги. Условия жизни и службы в пограничном уезде не могли привести к развитию крупного землевладения и вотчины на южных русских рубежах. Слишком велика была заинтересованность государства в существовании боеспособных пограничных гарнизонов и сохранении стабильной численности вооруженного сообщества. В развитии поместного землевладения на территории южных уездов обозначились некоторые тенденции. Работала система перераспределения поместной земли в соответствии с размерами окладов. Фактические угодья, своими размерами превышающие установленный оклад, должны были изыматься у служилых людей и передаваться в пользу тех помещиков, у кого оклады были велики, а земельные «дачи» непропорционально малы. Таким образом, перемещение «условно освоенных» земель осуществлялось в пользу социальной верхушки служилого «города». При этом обеспечение земель малоземельных и безземельных служилых людей, поверстанных пониженными окладами, планировалось осуществить за счет введения в хозяйственный оборот неосвоенных земель «дикого поля». Владение помещьем уже не настолько было обусловлено реальной службой, как в прошлые эпохи. Переход большей части фонда поместных земель был по-прежнему связан с переходом военных обязательств перед государством. Но расширялась на практике и укреплялась в законодательстве традиция выделения «прожиточного» поместья, не связанного с несением службы. В заботе о прокормлении вдов и девушек обнаруживался интерес государства в налаживании естественного воспроизводства военизированного населения, невозможного без женской составляющей.

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12287. Л. 426–428.

² Там же. Оп. 1194. Столбцы Поместного приказа. Д. 34710. Л. 131–139.

Список литературы References

1. Важинский В.М. 1974. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, Воронежский государственный педагогический институт, 237.
Vazhinskij V.M. 1974. Zemlevladenie i skladyvanie obshchiny odnodvorcev v XVII veke. Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 237. (in Russian)
2. Глазьев В.Н. 2015. Военная повседневность южного российского пограничья XVII в. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 20. Вып. 10: 71–78.
Glaz'ev V.N. 2015. Voennaya povsednevnost' yuzhnogo rossijskogo pogranich'ya XVII v. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. T. 20. Vyp. 10: 71–78. (in Russian)
3. Глазьев В.Н. 2004. Дозорная книга Воронежского уезда 1615 г. как историко-географический источник. В кн.: Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI–XX вв. СПб., Изд-во СПбГУ: 21–22.
Glaz'ev V.N. 2004. Dozornaya kniga Voronezhskogo uezda 1615 g. kak istoriko-geograficheskij istochnik. V kn.: Piscovye knigi i drugie istoriko-geograficheskie istochniki XVI–XX vv. SPb., Izd-vo SPbGU: 21–22. (in Russian)
4. Глазьев В.Н. 2013. Заселение городов и формирование уездов Центрального Черноземья в конце XVI – начале XVII в. В кн.: Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. Материалы к международной научной конференции (Москва, 21–23 ноября 2013 г.). М., Изд-во МГУ: 278–283.
Glaz'ev V.N. 2013. Zaselenie gorodov i formirovanie uezdov Central'nogo Chernozem'ya v konce XVI – nachale XVII v. V kn.: Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vyp. 3. Materialy k mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 21–23 noyabrya 2013 g.). M., Izd-vo MGU: 278–283. (in Russian)
5. Зенченко М.Ю. 2008. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. Опыт государственного строительства. М., Памятники исторической мысли, 221.
Zenchenko M.YU. 2008. YUzhnoe rossijskoe porubezh'e v konce XVI – nachale XVII v. Opyt gosudarstvennogo stroitel'stva. M., Pamyatniki istoricheskoy mysli, 221. (in Russian)
6. Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.В. 2014. Обретение Родины: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация. Самара, «Самарский университет», 254.
Kabytov P.S., Dubman E.L., Leont'eva O.V. 2014. Obretenie Rodiny: obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraya polovina XVI – nachalo XX v.). CHast' 2. Zaselenie regiona i ehtnodemograficheskaya situaciya. Samara, «Samarskij universitet», 254. (in Russian)
7. Камараули Е.В. 2015. Поместное землевладение на Юге России в XVII в. (по материалам Воронежского уезда). Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 1: 76–81.
Kamarauli E.V. 2015. Pomestnoe zemlevladenie na YUge Rossii v XVII v. (po materialam Voronezhskogo uezda). Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. 1: 76–81. (in Russian)
8. Камараули Е.В. 2016. Итоги аграрного освоения Центрального Черноземья в первой трети XVII в. В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 2016 год. Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. М.–Уфа, Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при Отделении историко-филологических наук РАН: 80–89.
Kamarauli E.V. 2016. Itogi agrarnogo osvoeniya Central'nogo Chernozem'ya v pervoj treti XVII v. V kn.: Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy 2016 god. Agrarnoe osvoenie i demograficheskie processy v Rossii X–XXI vv. M.–Ufa, Nauchnyj sovet po problemam agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy pri Otdelenii istoriko-filologicheskikh nauk RAN: 80–89. (in Russian)
9. Камараули Е.В. 2017а. Военизированное население южных окраин Московского государства в первой трети XVII в. (на примере Воронежского уезда): боевой потенциал, землевладение и условия хозяйствования. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Т. 43. 15 (264): 101–110.
Kamarauli E.V. 2017a. Voenizirovannoe naselenie yuzhnyh okrain Moskovskogo gosudarstva v pervoj treti XVII v. (na primere Voronezhskogo uezda): boevoj potencial, zemlevladenie i usloviya hozyajstvovaniya. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. T. 43. 15 (264): 101–110. (in Russian)

10. Камараули Е.В. 2017б. Служилые группы в составе землевладельцев воронежского уезда в первой трети XVII в.: размещение по станам, особенности поместного и вотчинного владения. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 3: 47–52.

Kamarauli E.V. 2017b. Sluzhilye grupy v sostave zemlevladel'cev voronezhskogo uezda v pervoj treti XVII v.: razmeshchenie po stanam, osobennosti pomestnogo i votchinnogo vladeniya. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. 3: 47–52. (in Russian)

11. Кивельсон В. 2012. Картографии царства. Земля и ее значения в России XVII века. Пер. с англ. М., Новое литературное обозрение, 357.

Kivel'son V. 2012. Kartografii carstva. Zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka. Per. s angl. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 357. (in English)

12. Козляков В.Н. 2000. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного Уложения). Ярославль, Изд-во Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, 206.

Kozlyakov V.N. 2000. Sluzhilyj «gorod» Moskovskogo gosudarstva XVII veka (ot Smuty do Sobornogo Ulozheniya). Yaroslavl', Izd-vo Yaroslavskego gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. K.D. Ushinskogo, 206. (in Russian)

13. Котков С.И. 1977. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги М., Наука, 69.

Kotkov S.I. 1977. Pamyatniki yuzhnovelikoruskogo narechiya. Otkaznye knigi M., Nauka, 69. (in Russian)

14. Ляпин Д.А. 2015. Частные владения крупных вотчинников в городах юга России в середине XVII в. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Т. 15. 4: 5–7.

Lyapin D.A. 2015. Chastnye vladeniya krupnyh votchinnikov v gorodah yuga Rossii v seredine XVII v. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. T. 15. 4: 5–7. (in Russian)

15. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. 2015. Теория фронта и Юг России в XVI – первой половине XVII в. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 20. Вып. 10: 7–15.

Mizis YU.A., Skobelkin O.V., Papkov A.I. 2015. Teoriya frontira i YUg Rossii v XVI – pervoj polovine XVII v. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. T. 20. Vyp. 10: 7–15. (in Russian)

16. Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. 1986. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер, методы исследования. М., Изд-во МГУ, 303.

Milov L.V., Bulgakov M.B., Garskova I.M. 1986. Tendencii agrarnogo razvitiya Rossii pervoj poloviny XVII stoletiya. Istoriografiya, komp'yuter, metody issledovaniya. M., Izd-vo MGU, 303. (in Russian)

17. Новосельский А.А. 1938. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. В кн.: Исторические записки. Т. 4. М., Изд-во Академии наук СССР: 21–40.

Novosel'skij A.A. 1938. Rasprostranenie krepostnicheskogo zemlevladieniya v yuzhnyh uezdah Moskovskogo gosudarstva v XVII v. V kn.: Istoricheskie zapiski. T. 4. M., Izd-vo Akademii nauk SSSR: 21–40. (in Russian)

18. Новосельский А.А. 1948. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.–Л., Изд-во Академии наук СССР, 447.

Novosel'skij A.A. 1948. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v XVII veke. M.–L., Izd-vo Akademii nauk SSSR, 447. (in Russian)

19. Павлов-Сильванский В.Б. 1966. Отказные книги Поместного приказа как источник по истории служилого землевладения. (По материалам Вяземского уезда 30–40-х годов XVII века). В кн. Археографический ежегодник за 1965 год. М., Наука: 94–103.

Pavlov-Sil'vanskij V.B. 1966. Otkaznye knigi Pomestnogo prikaza kak istochnik po istorii sluzhilogogo zemlevladieniya. (Po materialam Vyazemskogo uezda 30–40 h godov XVII veka). V kn. Arheograficheskij ezhegodnik za 1965 god. M., Nauka: 94–103. (in Russian)

20. Папков А.И. 2013. Освоение Российским государством южных окраин в XVI веке. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Т. 25. 1: 71–81.

Papkov A.I. 2013. Osvoenie Rossijskim gosudarstvom yuzhnyh okrain v XVI veke. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya. T. 25. 1: 71–81. (in Russian)

21. Скобелкин О.В. 2013. Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во второй половине XVII в. Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 1: 58–65.

Skobelkin O.V. 2013. Sluzhilye lyudi yuzhnogo frontira: osobennosti zemlevladieniya, zemel'noj i soslovnoj politiki gosudarstva vo vtoroj polovine XVII v. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorija. Politologiya. Sociologiya. 1: 58–65. (in Russian)

22. Станиславский А.Л. 1990. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., Мысль, 269.

Stanislavskij A.L. 1990. Grazhdanskaya vojna v Rossii XVII v. Kazachestvo na perelome istorii. M., Mysl', 269. (in Russian)

23. Станиславский А.Л. 1985. Указ об ограничении землевладения столичного дворянства 1619 г. В кн.: Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., Московский государственный историко-архивный институт: 72–77.

Stanislavskij A.L. 1985. Ukaz ob ogranichenii zemlevladieniya stolichnogo dvoryanstva 1619 g. V kn.: Teoriya i metody istochnikovedeniya i vspomogatel'nyh istoricheskikh disciplin. M., Moskovskij gosudarstvennyj istoriko-arhivnyj institut: 72–77. (in Russian)

24. Степанова Л.Г. 2016. Качество земли как фактор аграрного освоения территории в XVI и XVIII вв. В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 2016 год. Аграрное освоение и демографические процессы в России X – XXI вв. М.–Уфа, Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при Отделении историко-филологических наук РАН: 19–29.

Stepanova L.G. 2016. Kachestvo zemli kak faktor agrarnogo osvoeniya territorii v XVI i XVIII vv. V kn.: Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy 2016 god. Agrarnoe osvoenie i demografičeskie processy v Rossii X – XXI vv. M.–Ufa, Nauchnyj sovet po problemam agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy pri Otdelenii istoriko-filologičeskikh nauk RAN: 19–29. (in Russian)

25. Тихонов Ю.А. 1970. Отписные и отказные книги Поместного приказа как источник о боярских и дворянских владениях Московского уезда XVII – начала XVIII в. В кн. Археографический ежегодник за 1968 год. М., Наука: 142–148.

Tihonov YU.A. 1970. Otpisnye i otkaznye knigi Pomestnogo prikaza kak istochnik o boyarskih i dvoryanskih vladeniayah Moskovskogo uezda XVII – nachala XVIII v. V kn. Arheograficheskij ezhegodnik za 1968 god. M., Nauka: 142–148. (in Russian)

26. Черкасова М.С. 2015. Город и крестьяне в конце XVI – XVII веке: опыт сравнительного изучения по писцовым и переписным книгам северо-запада России. В кн: Северо-Запад в аграрной истории России. 21. Калининград, Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта: 5–23.

Cherkasova M.S. 2015. Gorod i krest'yane v konce XVI – XVII veke: opyt sravnitel'nogo izucheniya po piscovym i perepisnym knigam severo-zapada Rossii. V kn: Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii. 21. Kaliningrad, Izd-vo Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta: 5–23. (in Russian)

27. Чеченков П.В. 2015. Формирование землевладения и фамильный состав нижегородской служилой корпорации первой половины – середины XVI в. Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 1 (59): 60–75.

Chechenkov P.V. 2015. Formirovanie zemlevladieniya i famil'nyj sostav nizhegorodskoj sluzhiloj korporacii pervoj poloviny – serediny XVI v. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 1 (59): 60–75. (in Russian)

28. Швейковская Е.Н. 2012. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М., Индрик, 368.

Shvejkovskaya E.N. 2012. Russkij krest'yanin v dome i mire: severnaya derevnya konca XVI – nachala XVIII veka. M., Indrik, 368. (in Russian)